

КРИСТОФЕР ХИББЕРТ
БИТВЫ, ИЗМЕНИВШИЕ ИСТОРИЮ

КРЫМСКАЯ КАМПАНИЯ

1854

1855

БАЛАКЛАВСКАЯ БИТВА,
ОСАДА СЕВАСТОПОЛЯ,
ШТУРМ МАЛАХОВА КУРГАНА

Кристофер Хибберт

Крымская кампания

1854 – 1855 гг.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=607705

*Хибберт Кристофер. Крымская кампания 1854 – 1855 гг. Трагедия
лорда Раглана: Центрполиграф; Москва; 2004
ISBN 978-5-9524-5135-3*

Аннотация

Эта книга – история Крымской войны 1854 – 1855 годов. В ней достоверно и ярко описаны главные события: осада Севастополя, Балаклавская битва, штурм Малахова кургана. В центре повествования – трагическая фигура командующего английской армией лорда Раглана, человека, обладающего несомненными дипломатическими способностями, умного и храброго. Он не был великим полководцем, но был честным человеком и тяжело переживал последствия своих ошибок в ведении войны. Автор цитирует подлинные документы, письма и воспоминания очевидцев.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	8
I	8
II	18
Глава 2	23
I	23
II	30
Глава 3	37
I	37
II	42
III	46
Глава 4	54
I	54
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Хибберт Кристофер Крымская кампания 1854 – 1855 гг. Трагедия лорда Раглана

*Если море бурлит, для желудка каждого кита
найдется свой Иона.
Лорд Страдфорд-Редклифф*

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Предисловие

После смерти лорда Раглана в окрестностях Севастополя, который к тому времени так и не удалось захватить, на имя его сестры графини Уэстморлендской, супруги посла Великобритании в Вене, пришло письмо от князя Меттерниха. Выражая соболезнования и симпатии родственнице покойного, Меттерних писал: «Время до сих пор хранит свои секреты, поэтому в интересах истории необходимо рассказать правду о лорде Раглане, его характере и поступках».

До настоящего времени не публиковалась официальная биография этого человека. Более ста лет его личные документы хранятся в архиве. Здесь же хранятся также и многочисленные письма его родственников, друзей и подчиненных, и различные документы, отправленные после смерти лорда Раглана его супруге.

Великий внук лорда Раглана любезно предоставил мне доступ к этому архиву и разрешил пользоваться личными бумагами покойного без всяких ограничений. Кроме того, я получил разрешение пользоваться военными документами фельдмаршала, которые хранятся в государственном архиве.

Эти два собрания документов включают в себя большую часть переписки лорда Раглана. К сожалению, некоторая часть бумаг хранилась в других архивах. Пользуясь случаем, я хотел бы выразить признательность ее величеству короле-

ве за разрешение пользоваться материалами Королевского архива Дома Виндзоров. Я чрезвычайно благодарен герцогу Норфолку за предоставление мне доступа в его личный архив, равно как и герцогу Веллингтону, графу Галифаксу и мисс Лонсдейл за оказанную мне аналогичную услугу.

Я признателен за помощь в работе с документами библиотекарям и сотрудникам архивов.

Неоценимую помощь в работе над книгой оказали родственники участников Крымской войны, любезно предоставившие дневники, письма и даже рисунки очевидцев событий. В работе с русскими и немецкими источниками мне помогали мисс Филлис Оути и фрейлейн Ханналоре Прейвиш. Миссис Ричард Оуэн изучила множество материалов на французском языке, обеспечив меня целым рядом выполненных ею лично переводов.

Мне хотелось бы подчеркнуть, что, несмотря на то что центральной фигурой моего повествования является лорд Раглан, целью написания этой книги было рассказать историю Крымской войны так, как ее видели многочисленные участники. Ни один из приведенных здесь документов не написан в наши времена. Все они относятся к XIX веку. Кроме того, у меня есть еще один источник, который не может игнорировать ни один из авторов, рассказывающих о той войне. Кинглейк, автор книги о Крымской кампании, работал над своим трудом более тридцати лет. Прodelанная им огромная работа сделала его произведение чрезвычайно интерес-

ным, несмотря на то что ко многим событиям Кинглейк подходит предвзято, а некоторые из его оценок спорны или даже неверны. И все же его книга, безусловно, является произведением искусства. С моей точки зрения, это величайшее военно-историческое произведение, написанное на английском языке. Никакой другой труд на эту тему, и конечно же моя книга тоже, не может затмить его. И все же, достоинством своей книги я считаю то, что читатель найдет здесь множество документов, к которым Кинглейк не имел доступа. Поэтому он не использовал их в своей работе. Кроме того, немаловажным преимуществом является ее относительная компактность.

Кристофер Хибберт

Глава 1

ЛОРД ФИТЦРОЙ СОМЕРСЕТ

*Он всегда был очень мне необходим.
Герцог Веллингтон*

I

В начале жаркого июля 1808 года британский военный корабль «Донегол» вышел из бухты Корка и взял курс на Ла-Корунью. На борту корабля находились генерал-лейтенант сэр Артур Уэлсли и некий драгунский лейтенант девятнадцати лет. Сходство между двоими мужчинами настолько бросалось в глаза, что все принимали их за отца и сына, что было вполне простительной ошибкой.

И тот и другой обладали пронзительным взглядом, подтянутой фигурой. Даже нос у обоих имел характерную горбинку. И тот и другой обладали особой аристократической привлекательностью. В то же время выражение лица генерала было надменное и несколько отстраненное. Молодой лейтенант казался более любезным и менее самоуверенным. Несмотря на то что их разделяла двадцатилетняя разница в возрасте, мужчины покидали корабль в порту назначения

уже настоящими друзьями. Эту дружбу они хранили всю жизнь.

Молодой человек, его звали Фитцрой Джеймс Генри Сомерсет, был младшим из одиннадцати детей герцога Бьюфорта. Пятнадцатилетним выпускником школы в Вестминстере он получил назначение корнетом в 4-й легкий драгунский полк, где проявил себя энергичным многообещающим офицером. В рождественские дни 1810 года молодой человек сменил полковника Батерста на посту военного секретаря генерала Уэлсли.

Полковник Батерст был вынужден отказаться от этой завидной должности и уйти в отставку после того, как тяжелый характер генерала довел его до нервного срыва. Капитану лорду Фитцрою Сомерсету удалось избежать судьбы предшественника, поскольку он обладал удивительной способностью в самом начале пресекать знаменитые вспышки раздражения начальника. Будучи человеком огромного трудолюбия и истинного такта, он обладал всеми задатками для работы в качестве военного секретаря. Генерал был очень доволен новым помощником.

До этого он уже успел проявить себя как храбрый офицер. Через месяц после прибытия на Иберийский полуостров Фитцрой Сомерсет подал рапорт о переводе в 42-й пехотный полк и участвовал в боевых действиях в районе Ролиса, Вимиеро и Талавера. В бою при Букасо он был легко ранен. В любом столкновении с неприятелем он демонстрировал то

полнейшее пренебрежение к опасности, которое спустя сорок пять лет стало примером для подражания каждого солдата его армии.

Обязанности секретаря оказались более беспокойными, чем можно было ожидать от этой должности. Когда, например, первая попытка прорыва через Бадахос была отбита с большими потерями, Фитцрой Сомерсет возглавил один из штурмовых отрядов, захвативших бастион Сан-Висенте и вынудивший крепость сдаться. Это открыло победоносной британской армии дорогу через Испанию во Францию, к тому времени ослабленную после отступления армии Наполеона из Москвы.

В тот год двадцатитрехлетний лорд Фитцрой был подполковником вновь созданного по инициативе лорда Веллингтона 1-го гвардейского пехотного полка. Его будущая карьера, казалось бы, обеспечена. Он попал в круг приближенных лорда Веллингтона и быстро продвигался по служебной лестнице.

В 1814 году, после окончания войны с Наполеоном, лорд Фитцрой женился на очаровательной племяннице своего начальника и друга¹. Молодые люди познакомились за год до свадьбы и буквально через несколько дней после первой встречи полюбили друг друга. В качестве помощника Фитц-

¹ Эмили Гарриет Уэлсли-Пол была второй дочерью брата генерала лорда Уильяма Мариборо, впоследствии графа Морнингтона. Свадьба состоялась 6 августа 1814 года в доме ее отца.

рой сопровождал герцога в поездке с дипломатической миссией. Его будущая супруга Эмили Уэлсли-Пол также участвовала в этой поездке. Позже ее сестра писала: «Она была поражена, насколько высоко ценил ее дядя своего молодого помощника и как хорошо относился к нему. Поэтому, когда после возвращения в Англию молодой человек попросил у отца руки Эмили, тот без колебаний дал свое согласие на этот брак, несмотря на то что, по мнению некоторых его знакомых, брак с младшим отпрыском семьи, не имевшим значительного годового дохода, не был подходящей партией для столь блестящей молодой леди, пользовавшейся всеобщей любовью и уважением. Помню, как отец однажды заявил, что предпочел бы своего зятя любому отпрыску даже самой богатой аристократической фамилии, настолько он был восхищен его манерами и поведением. Кроме того, он считал, что талант, трудолюбие и упорный характер со временем сделают молодого Фитцроя выдающейся личностью».

То время было безусловно счастливейшим периодом его жизни. Когда Веллингтон получил должность посла в Париже, лорд Фитцрой остался его помощником. Во время отсутствия патрона (тот участвовал в работе Венского конгресса) он выполнял все обязанности посла. Лорд Фитцрой бегло говорил по-французски, хотя и с сильным английским акцентом. Молодая супружеская пара пользовалась всеобщей симпатией и уважением. Однако вскоре тот счастливый период их жизни неожиданно закончился.

В феврале 1815 года Наполеон бежал с острова Эльба. В следующем месяце он с триумфом вступил в Париж, и война началась снова.

Лорд Фитцрой отвез беременную жену в Брюссель и 18 июня уже находился в штабе герцога Веллингтона в Ватерлоо, куда они вместе выехали из Брюсселя утром 16 июня. В течение следующих трех дней он вновь выполнял обязанности главного адъютанта герцога. На исходе третьего дня шальная пуля раздробила ему локоть правой руки. Он сам пришел в здание, где размещался полевой госпиталь, и обратился к дежурному хирургу. Хирург попросил его лечь на стол и ампутировал руку выше локтя. Лорд Фитцрой не издал ни единого стога. Лежащий в той же маленькой комнате раненый герцог Орангский не подозревал, что его соседу делали операцию, до тех пор, пока тот не обратился к хирургу со словами: «Эй, принесите-ка мою руку назад. Там на пальце кольцо, которое надела мне жена».

На следующий день Веллингтон написал герцогу Бьюфорт-ту:

«Мне очень жаль, но я вынужден сообщить, что Ваш брат Фитцрой тяжело ранен и потерял правую руку. Я только что навестил его. Он чувствует себя настолько хорошо, насколько это возможно в данных обстоятельствах. Признаков заражения нет. Вы знаете, насколько он всегда был мне необходим и как мне теперь будет не хватать его помощи, а также с каким искренним уважением я всегда к нему относился.

Поверьте мне, я очень за него волнуюсь... Надеюсь, что скоро он снова сможет присоединиться ко мне».

Лорд Фитцрой не заставил себя долго ждать. Как только выздоровел, он вновь вернулся в Париж к своим обязанностям секретаря посольства. Герцог Веллингтон теперь командовал оккупационными силами. Фитцрой сопровождал герцога в командировках в Вену и Верону. В 1818 году, когда оккупационные войска были выведены из Парижа и лорд Веллингтон получил назначение в Лондоне на должность командующего артиллерией, Фитцрой продолжал службу в качестве помощника своего знаменитого начальника. В 1827 году умер герцог Йоркский, и лорд Веллингтон получил его должность главнокомандующего вооруженными силами страны. Фитцрой и тогда не оставил своего патрона.

В тридцать девять лет он был уже генерал-майором, кавалером ордена Бани, австрийского ордена Марии-Терезии, русского ордена Святого Георгия, баварского ордена Максимилиана-Иосифа, португальского ордена Башни и Меча. Он был адъютантом короля Георга IV, почетным гражданином города Глочестера, членом парламента. По поручению правительства выполнял важную дипломатическую миссию в Мадриде и вскоре вместе с герцогом Веллингтоном собирался отправиться в поездку в Санкт-Петербург. Он снискал себе огромную любовь и уважение. Сопровождая Веллингтона в Оксфорд, где тот получил звание канцлера, Фитцрой, в свою очередь, получил почетную ученую степень. Вспомни-

ная об этом событии, его брат писал, что «вид пустого рукава Фитцроя подействовал на присутствовавших подобно электрическому разряду. Последовал такой шквал аплодисментов, какого аудитория этого здания наверняка никогда ранее не слышала».

Личная жизнь тоже складывалась вполне удачно и счастливо. Он обожал жену и четверых детей². Он не был богат для аристократа, но мог позволить себе тратить от трех до четырех тысяч фунтов стерлингов в год. И ему нравилось тратить деньги. У него был прекрасный дом и много друзей по всей стране. Вместе с братом, унаследовавшим титул герцога Бьюфорта, Фитцрой любил гостить в Бадминтоне, с герцогом Ричмондом и Гордоном часто посещал Гудвуд, вместе с Веллингтоном отправлялся в Стратфилд, где специально для него всегда были зарезервированы комнаты. Молодой генерал увлекался стрельбой и охотой, любил хорошую еду, общество красивых женщин и прочие удовольствия жизни. Как и многие другие члены высшего общества, он очень мало думал о том, как изменить жизнь за пределами этого общества. Наука и техника, которые все больше изменяли окружающий мир, значили для него очень мало. Также равнодушно Фитцрой относился к живописи, музыке и кни-

² Артур Уильям Фитцрой (родился в 1816 году и умер от ран, полученных во время первой войны с сикхами в 1845 году); Ричард Генри Фитцрой (родился в 1817 году и позже унаследовал титул лорда Раглана); Шарлотта Элизабет (родилась в 1815 году в Брюсселе); Кэтрин Анна Эмили Сесилия (родилась в 1823 году). Обе дочери умерли незамужними.

гам. Во всей своей огромной переписке он всего лишь один раз сослался на пример из книги. Этим произведением был «Граф Монте-Кристо». «Все, что я понял из этой книги, — признался он, — это то, что ее автор нудный и язвительный человек».

Даже политикой он интересовался лишь в той мере, в какой она касалась военных дел. В течение шести лет своего членства в парламенте от партии консерваторов Фитцрой ни разу не выступал на заседаниях. Однако в частных беседах всегда ратовал за соблюдение прав и интересов армии, осуждая тех, кто, как позднее заметила Флоренс Найтингейл, тайно или явно стремился к сокращению численности армии и ее влияния. Однако, следуя заветам Веллингтона, он никогда не касался военных вопросов в кругу политиков, которые, как считал герцог, только и мечтают сократить ее численно и урезать в правах. Фитцрой стремился всегда быть в курсе всего происходящего в военной области. Продолжительное время прослужив в генеральном штабе, он очень хорошо знал свое дело. Выступал против любых изменений в армейской жизни и не стеснялся этого. Сам он не был генератором новых идей, но делал все, что мог, для того, чтобы защитить интересы армии. В то же время он ясно представлял себе, что никто во всей Англии, которая так стремилась к миру и где привыкли беречь государственные средства, где общество, с одной стороны, несколько ревниво относилось к армии из-за прав и привилегий военных, а с другой стороны, боялось ее

мощи, не сможет преодолеть тенденции к ее повсеместному ослаблению. Даже лорду Веллингтону это не удалось. А если не смог Веллингтон, значит, не сможет и никто другой.

Однажды в штаб кавалерии прибыл сэр Френсис Хед. Он показал лорду Фитцрою меморандум, в котором расхваливалась прусская система военной подготовки, а затем поинтересовался, почему бы не перенять эту методику в Великобритании. В своих воспоминаниях он пишет, что «на несколько секунд лорд Фитцрой, казалось, потерял дар речи. Затем пожал плечами и спокойно произнес всего два слова: «Джозеф Хьюм».

Как он впоследствии признался старшей дочери, иногда его настолько раздражала и унижала система жесткой экономии, которую навязывали военным, что он уже начал подумывать об отставке. Но позже понял, что не сможет жить без армии, не сможет бросить Веллингтона. В 1845 году лорду Фитцрою предложили пост генерал-губернатора Канады. Веллингтон, конечно, знал об этом предложении, однако отказался дать совет, стоит принимать этот пост или нет. Когда родственница Фитцроя графиня Уэстморлендская на следующий день посетила Веллингтона в его доме в Эсли, генерал сразу же воскликнул: «Он отказался!» При этом его лицо сияло от удовольствия. «Я была уверена, что он не оставит вас», – ответила леди Уэстморленд. И герцог снова произнес, что просто не знает, что стал бы делать без лорда Фитцроя.

Когда графиня Уэстморлендская передала Фитцрою сло-

ва Веллингтона, она заметила у него на глазах слезы.

Герцог с возрастом стал слабеть и становился рассеянным. Большую часть его работы приходилось выполнять Фитцрою. Старый воин мог заснуть посреди беседы. Тогда посетители на цыпочках выходили из его кабинета и шли за решением к военному секретарю. В 1852 году старый герцог умер, сидя в кресле у окна в своем кабинете. Лорд Фитцрой прослужил с ним вместе более сорока лет. В течение всей жизни он с гордостью вспоминал об этом.

II

Лорд Фитцрой надеялся сменить герцога Веллингтона на посту главнокомандующего, однако это назначение получил лорд Хардиндж, а самому Фитцрою был предоставлен пост командующего артиллерией. Такое назначение было обидным и унижительным, поскольку лорд Хардиндж, хотя и старший по возрасту, был младше по званию. По словам Чарльза Гревилля, «Фитцрой Сомерсет был гораздо более популярен среди военных, однако я не сомневался в назначении на пост командующего армией Хардинджа, который пользовался особым покровительством при королевском дворе». Как бы в качестве компенсации в октябре того же года лорду Фитцрою был предложен титул пэра. Он долго колебался, прежде чем принять его, так как не был уверен, что этот титул действительно ему нужен. Однако королева проявила настойчивость. По этому поводу принц-консорт писал премьер-министру:

«Будет очень жаль, если лорду Фитцрою придется отказаться от пэрства по финансовым соображениям. В то же время представляется затруднительным освободить его от выплаты соответствующих взносов. При данных обстоятельствах, когда для общества так важно плодотворное сотрудничество Фитцроя с лордом Хардинджем, королева считает недопустимым оставить

его без награды, тем самым еще более усугубив его обиды. Поэтому она готова взять на себя бремя финансовых обязательств лорда Фитцроя как пэра».

Так в октябре 1852 года лорд Фитцрой Сомерсет стал первым лордом Рагланом.

Все опасения, что уязвленное самолюбие осложнит его отношения с лордом Хардинджем, оказались напрасными. Он приступил к выполнению новых обязанностей с обычным для него энтузиазмом и энергией. Как позже он признался сыну, «новая работа и новые люди настолько увлекали, что вряд ли я чувствовал бы себя счастливее, окажись даже в кресле главнокомандующего».

Трудолюбие лорда Раглана было его счастьем, так как работа требовала всех сил. Обычно по вечерам ему приходилось разбирать дома накопившиеся документы. Сейчас уже трудно сказать точно, в чем заключался круг его обязанностей. За организационные вопросы в армии, которые, по признанию принца Альберта, сводились к стремлению максимально ее сократить, отвечали семь более или менее самостоятельных ведомств. Это вносило неизбежную путаницу, приводило к дублированию обязанностей, взаимному недоверию чиновников и затрудняло контроль за выполнением мероприятий.

Должность главнокомандующего, резиденция которого располагалась в здании на Хорс-Гардс, была чем-то вроде должности начальника генерального штаба империи. Од-

нако, командуя войсками на территории Британии, он не имел права распоряжаться войсками в колониях. Полномочия главнокомандующего исходили от короля или королевы, а не от парламента страны.

Командующий артиллерией отвечал за вооружение, фортификационные сооружения и размещение военнослужащих. Это был огромный объем работы. Кроме того, ему подчинялись артиллерийские и инженерные войска – он отвечал за все финансовые и организационные вопросы.

Группа генералов отвечала за снабжение обмундированием.

Так называемый Комиссариат, гражданский орган власти, совместно с министерством финансов отвечал за все военные поставки и транспорт. Но их фактическая деятельность была крайне неэффективна, поскольку в реальности они не располагали значительным количеством транспортных средств. Даже знаменитый товарный поезд Веллингтона времен войны в Испании был расформирован из соображений экономии.

Медицинское управление стояло в стороне от других военных ведомств, за исключением военного секретариата, осуществлявшего его финансирование. Из того же источника финансировался и департамент снабжения при Комиссариате, частично, но не полностью удовлетворявший запросы последнего.

Военный секретарь, ведавший вопросами финансирова-

ния армии, за исключением артиллерийских и инженерных войск, а также отвечавший за выполнение договоров с гражданскими подрядчиками, никак не мог повлиять на военное строительство, в частности на размеры армии и затраты на ее содержание. Эти вопросы находились в ведении государственного министра по делам колоний.

Для большинства людей было немыслимо просто понять, что на самом деле творится в этих ведомственных джунглях.

Сложности вызывала и четко прослеживаемая тенденция со стороны некоторых старших офицеров, которые привыкли считать свои части как бы личной собственностью, и всячески пытались проигнорировать указания Уайтхолла. Такое отношение было, конечно, понятным. В то время существовал вполне официальный преёскурант на командные должности в армии. Например, чин подполковника в пехотном полку стоил 4500 фунтов стерлингов, в кавалерийском – 6175, в гвардейском кавалерийском – 7250, в гвардейском пехотном – 9 тысяч. В то же время все офицеры прекрасно знали, что реальная стоимость командных должностей намного превышала официальную. Ходили слухи о том, что некоторые полки переходили из рук в руки за 40 тысяч фунтов стерлингов, а однажды эта цифра составила даже 57 тысяч фунтов. И конечно же, заплатив огромную сумму за право командовать полком, офицер совсем не был расположен к тому, чтобы кто-то докучал ему, вмешиваясь в командование. В конце концов, сама королева, официально подтвердив

его полномочия, развязала ему руки.

Многие командиры пытались уклониться от участия в маневрах, которые к тому же проводились весьма редко. Они умели муштровать своих солдат, умели построить их для парада. А если они чего-то не знали, то что ж... на это есть подчиненные, которые обязаны знать все. Ну а если случится война, то их парни самые смелые, а страна до сих пор войн не проигрывала.

Вскоре после того, как лорд Раглан приступил к новым обязанностям, в районе Чобхэма был открыт полигон на 8 тысяч человек. Маневры там производили тягостное впечатление. Солдаты были прекрасно обмундированы, но ими командовали офицеры, не имевшие ни малейшего представления о тактике. Штабы часто теряли собственные подразделения, организовывали решительные атаки на собственные позиции. Командиры, заявив, что «все эти проклятые маневры – пустая трата времени», могли внезапно забрать солдат. «Это не армия, а сброд», – заметил как-то раздраженно один из артиллерийских офицеров.

А через несколько месяцев под восторженные крики полной надежд на скорую победу публики эта армия отправилась на войну.

Глава 2

ЛУЧШАЯ АРМИЯ В МИРЕ

*Нас отправляли воевать за неправо дело.
Сержант Тимоти Гоуинг, королевские стрелки*

I

Не многие в армии могли бы с уверенностью сказать, почему началась та война. Ходили разговоры о защите турок, которым угрожали русские, но для солдат, конечно, причины не были главным.

Вспоминая свой марш в направлении портсмутских доков, под приветственный вой восторженной толпы, Тимоти Гоуинг выразил общее мнение: «Нас отправили воевать за неправо дело, защищать народ, презираемый любым христианином. Но, будучи солдатами, мы ничего не смыслили в политике».

Однако даже политикам не было дано понять всех тонкостей авантюры, из-за которой страна пережила великую трагедию. Они знали кое-что о независимых взглядах и антирусских настроениях посла в Турции лорда Страдфорда-Редклиффа, его изощренном уме и влиянии при дворе. Им бы-

ли известны неосторожные заявления русского царя о Турции как о слабой империи с огромной территорией, протянувшейся от Адриатического моря до Персидского залива, от Черного моря через Сирию и Палестину к Аравийскому полуострову. И, как считал русский монарх, такую страну конечно же следовало завоевать и поделить. Политики понимали, что войны не хотели ни премьер-министр Эбердин, ни министр иностранных дел Кларендон. В то же время гораздо более могущественная фигура – министр внутренних дел Пальмерстон был известен русофобскими настроениями. Именно он в числе многих прочих британцев тремя годами ранее приветствовал венгерского патриота Кошута, жертву царского империализма. Кроме того, едва ли более популярный среди англичан, чем царь Николай I, новый французский монарх Наполеон III всеми силами стремился к военному союзу с Великобританией, который должен был придать ему большую респектабельность. Англия же, морскому могуществу которой угрожали притязания русских на Стамбул, не могла отвергнуть этот союз. Существовали, конечно, и другие, менее значительные причины, но они не могли повлиять на обстановку сколь-нибудь значительно.

Ходили устрашающие слухи о растущей мощи Черноморского флота и о сильной морской базе в Севастополе, всего в 250 милях к северу от Босфора. Поэтому рано или поздно сражение за Босфор и Мраморное море должно было состояться.

Первыми ударами будущие противники обменялись в ходе ожесточенного спора католической и православной церквей за права на святыни в Палестине. В течение многих лет и та и другая стороны громко заявляли о своих правах на расположенный там храм Рождества Христова (православные, за которыми стояла Россия) или храм Гроба Господня (католики, которых поддерживала Франция). В июне 1853 года в Вифлееме произошло столкновение между католическими и православными монахами. Католические монахи, у которых находились ключи от главных ворот храма Рождества Христова, установили над яслями церкви свою серебряную звезду. Православные священники пытались им помешать. Во время схватки между ними было убито несколько православных монахов. Турецкая полиция встала на сторону католиков. Протесты царя проигнорировали. Через несколько дней русская армия уже двинулась маршем в сторону Дуная с целью защитить святыне места от мусульман.

Марш проходил через княжества Молдавия и Валахия, в то время находившиеся под общим протекторатом Турции и России. Войны все еще можно было избежать. Царь надеялся, что Британия не станет вмешиваться в конфликт. Меморандумы, ноты, депеши угрожающего содержания летели из Санкт-Петербурга в Париж, из Константинополь через Вену в Лондон по ненадежному в те времена электрическому телеграфу. Но с течением дней оставалось все меньше сомневающих в том, что война не за горами.

ТУРЕЦКАЯ ИМПЕРИЯ

1854 г.

ЗАПАДНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ
КРЫМА

Марш на юг в Балаклаву
с места высадки

Булганак

В октябре началась война Турции с Россией. Англия все еще сохраняла нейтралитет. Однако 30 ноября Черноморский флот под командованием адмирала Нахимова обнаружил в бухте Синопа и полностью уничтожил корабли турецкой флотилии. Погибли около 4 тысяч турецких моряков. Пресса подогрела британское общественное мнение, и многие из тех, кто раньше призывал сохранять спокойствие и сдержанность, теперь в один голос требовали уничтожить Севастополь. Никто не хотел больше слышать о злодеяниях турок. Эбердин был вынужден уступить мнению сторонников Пальмерстона. Газета «Таймс», выступавшая ранее на стороне Эбердина, теперь склонялась к тому, что война должна начаться немедленно. И даже сама королева, всего несколько недель назад сомневавшаяся в том, что Англия «должна выступить на защиту так называемой независимости Турции», теперь была уверена в том, что страна просто обязана это сделать.

6 марта министр казначейства Гладстон объявил о повышении налога на прибыль. Как он заявил в палате общин, «военные расходы являются тем моральным испытанием, возлагаемым всемогущим Господом на некоторые нации, которым присущи амбиции и жажда завоеваний».

27 марта 1854 года Англия объявила войну России. Франция сделала то же самое днем раньше.

И вскоре в Плимуте уже маршировали отправляющиеся

на войну солдаты. Войска уходили под бравурные марши оркестров, под восторженные крики толпы. Они смотрели на королеву с принцем и их детьми, солнечным утром провожавших солдат на войну с балкона Букингемского дворца, улыбавшихся и грациозно кланявшихся, желавших скорой победы своей армии.

II

Казалось, отправлявшимся на фронт войскам нет конца. На самом деле армия была небольшой. На войну в Турцию отправилось менее 30 тысяч солдат. Армия была даже меньше французской. Англия имела большие колониальные контингенты в Индии и в Африке, а также в Западном полушарии. Но для всей огромной империи оказалось проблематичным собрать достаточно солдат в Европе. Еще в первый год пребывания лорда Раглана в новой должности был принят закон о призыве 80 тысяч человек в состав так называемой милиции. Эти люди должны были ежегодно проходить трехнедельную военную подготовку, однако их можно было отправить на службу вне метрополии только на добровольной основе. Вот и теперь правительство смогло отправить на новый европейский театр военных действий не более 10 пехотных и 2 кавалерийских бригад, усиленных артиллерией и инженерными войсками. Каждая из пехотных бригад состояла из 3 полков. Две бригады составляли дивизию.

Еще большей проблемой было укомплектовать сформированные дивизии грамотными, обладавшими соответствующим опытом командирами. Как оказалось, только два из пяти командиров дивизий имели опыт боевых действий против регулярных войск в составе более батальона, и только один из них был моложе шестидесяти лет. Последний, одна-

ко, не имел опыта участия в боевых действиях. Им был тридцатипятилетний герцог Кембриджский. Внук короля Георга III и кузен королевы, полковник ганноверского гвардейского полка в девять лет и генерал-майор в двадцать шесть, он сразу же был назначен командиром 1-й дивизии, в состав которой входили три пехотных полка и горно-стрелковая бригада. Он был энергичным, обладал прекрасным характером, пользовался всеобщей любовью. Значило ли это, что он сможет повести за собой людей в бой, еще предстояло выяснить.

Командиром 2-й дивизии был назначен, почти вдвое старше герцога Кембриджского по возрасту, сэр Лэси Ивэнс. Он был самым опытным и, судя по дальнейшим откликам французского главнокомандующего, самым лучшим командиром дивизии. Генерал родился в Ирландии в 1787 году. В 1806 году он добровольцем вступил в армию. Сражался в Индии, Америке, затем некоторое время успешно командовал Британским легионом в Испании, за что в 1837 году получил рыцарское звание. После этого посвятил себя политике. Представлял интересы партии аграриев и вестминстерской группы. Отличался крайне радикальными взглядами. Лэси Ивэнс был очень своеобразным человеком. Умный, несколько старомодный и бесцеремонный, с выющимися волосами и темными глазами – обладал обликом одновременно артиста и судьи.

Командир 3-й дивизии сэр Ричард Ингленд также был ирландцем. Он родился в Канаде в 1793 году в семье генерала

колониальных войск. За участие в ряде колониальных войн в 1843 году получил рыцарский титул, а еще через восемь лет звание генерал-майора. Это был, несомненно, талантливый командир с безупречной репутацией.

Командовать 4-й дивизией был назначен известный в военных кругах шестидесятилетний генерал Джордж Кэткарт. В возрасте пятнадцати лет он получил чин корнета от отца, генерала Эола Кэткарта, в то время посла в Санкт-Петербурге. С 1826 года командовал 7-м гусарским полком. С тех пор ничем себя не проявил. Необразованный, грубый и прямолинейный, он, как это было впоследствии признано, оказался скверной кандидатурой для такого назначения. Однако еще более неподходящей кандидатурой для командования дивизией был генерал Джордж Браун.

Джордж Браун был, наверное, самым непопулярным пехотным командиром в армии. Как выразился один из молодых офицеров, «старого негодяя ненавидела, наверное, вся армия». «Он ругает, измываетеся и проклинаят все, что выпадает на высоте более одного дюйма», – заявил другой офицер. Третий подчиненный генерала, выражая общее мнение, назвал его «старым грубым идиотом». Это был свирепый служака, сражавшийся под командованием Мура в Ла-Корунье и получивший знак отличия за 43-й форт. И его подчиненные не должны были ни на минуту забывать об этом. Он свято верил в силу дубинки и упрямо отвергал даже малейшие реформы в военном деле. Лорд Панмор отозвался о

нем как о человеке, «искренне ненавидевшем любые перемены». Такая рьяная борьба с военными реформами еще год назад привела бы его к отставке. Он отзывался о принце как о молодом штатском, которому не следовало бы так активно вмешиваться в военные дела. Но, несмотря на всеобщую неприязнь, генерал пользовался репутацией храброго человека и лихого рубаки. Это и послужило главной причиной его назначения командиром легкой дивизии.

Кавалерийскую дивизию возглавил пятидесятичетырехлетний генерал Лекэн, настоящий военный маньяк. Как и Джордж Кэткорт, он путем различных махинаций оказался во главе полка, не имея ни опыта, ни заслуг для такой должности. В том же году, когда Кэткорт купил себе командование 7-м гусарским полком, Лекэн за 25 тысяч фунтов стерлингов приобрел патент командира 17-го уланского полка. Его солдаты были прекрасно обмундированы, но командование превратилось у него в навязчивую идею. Лекэн, храбрый офицер, который работал день и ночь, был крайне непопулярен за свое упрямство, узколобость, ущербность и мстительность.

Легкой бригадой в дивизии Лекэна командовал его шурин граф Кардиган. Этому человеку были присущи все недостатки и не свойственно ни одно достоинство его командира. Он был еще менее популярен среди подчиненных. Кроме того, генералы искренне и взаимно ненавидели друг друга.

Командование тяжелой бригадой было поручено Джейм-

су Скарлетту, являвшему собой полную противоположность двум вышеназванным офицерам. Этот искренний и приятный в общении человек вызывал всеобщее восхищение. Считалось, что его здравый смысл позволит дивизии сохранить сплоченность рядов.

Грамотные штабные офицеры были не меньшей проблемой, чем командиры. Лорд де Рос, назначенный генерал-квартирмейстером армии, а значит, взваливший на себя огромное множество разнообразных обязанностей, был, по общему мнению, «любопытным малым». Эксцентричность его манер и одежды вызвала изумление. Трудно было найти более неподходящего офицера на роль начальника штаба и генерал-квартирмейстера одновременно. Он не только не обладал необходимым для этого опытом, но и не стремился приобрести нужные знания, поскольку был слишком ленив.

Получивший должность генерал-адъютанта бригадный генерал Джеймс Бакнел Эсткорт был более энергичен. Но и он не имел военного опыта. Он никогда не участвовал в боевых действиях и больше интересовался вопросами географии. Ранее он участвовал в экспедиции, занимавшейся поисками путей из района Персидского залива в Индию. Один из подчиненных отзывался о нем как о человеке чрезвычайной доброты и такта. Однако это не были главные качества, необходимые генерал-адъютанту, отвечающему за вопросы дисциплины в армии. Генерал Эсткорт был слишком добрым и мягким. В то же время следует признать, что он выполнял

свои обязанности гораздо более профессионально, чем многие другие генералы и офицеры, получившие назначения в штабы армии и дивизий.

Самой большой проблемой, как позже признал военный министр, было «полное отсутствие кадров для создания полноценных штабов». Несмотря на то что в военном колледже уже долгое время готовили офицеров штабных специальностей, они были крайне непопулярны в среде молодых офицеров. Считалось, что служить в штабе хорошо для француза или немца, но не для настоящего джентльмена.

И в действительности самые непопулярные в армии управления были отданы на откуп гражданским ведомствам. И никому не приходило в голову усомниться в мудрости решения о передаче военного тыла и транспорта в ведение министерства финансов. Никто не подумал о том, что сверхмеры обюрокраченным и педантичным чиновникам Комиссариата не под силу справиться с задачами снабжения армии численностью 30 тысяч человек. Лорд Раглан и прежде нередко получал жалобы на скудные возможности этого ведомства и на нераспорядительность его чиновников. Руководил ведомством отозванный из отставки шестидесятилетний Джеймс Филдер.

Считалось, что на должность командующего армией могли претендовать четыре генерала. Однако впоследствии выяснилось, что один только лорд Раглан еще не переступил семидесятилетнего рубежа. К тому же вся страна помнила, что

его учителем был великий герцог, а это само по себе рассматривалось как залог победы. Поэтому оказалось, что отдавший армии почти полвека и популярный в военных кругах Раглан остался единственной реальной кандидатурой. Кроме всего прочего, он обладал отменным здоровьем, считался умным дипломатом и прекрасно говорил по-французски, что было немаловажно для общения с союзниками. Находились, правда, и те, кто сомневался, что человек, который никогда не командовал подразделением крупнее батальона и последние сорок лет провел за чтением бумаг, способен успешно командовать армией. Однако, как выяснилось, и они не могли назвать достойную кандидатуру. Таким образом, менее чем через три недели после начала войны генерал Раглан отправился на конференцию в Париж, а оттуда – в Турцию, чтобы возглавить то, что газета «Таймс» гордо назвала «лучшей армией, когда-либо покидавшей берега Англии».

Глава 3

СКУТАРИ

Заманив нас сюда, русские сделали из нас дураков. Скверно!

Капитан Найджел Кингскот, шотландские стрелки

I

Войска высадились у берегов Дарданелл и оказались в совершенно ином мире. Галлиполи был «комом грязи на краю света» и очень напоминал трущобы ирландских городов с их невзрачными глиняными домиками. По провонявшим отбросами узким улицам носились сотни чумазных ребятишек и стаи одичавших собак. Здесь можно было встретить армян и евреев, греков в фесках и широких шароварах и турок с ножами и пистолетами за поясом. Все спешили по своим неизвестным делам. Иногда мимо проходило существо женского пола – пара кожаной обуви, увенчанная ворохом всевозможных пестрых одеяний. При этом было невозможно определить, была ли женщина молода и привлекательна или наоборот. По обочинам дорог на деревянных возвышениях сидели старые турки в свободных одеждах и зеленых тюрбанах. Эти потомки пророка молча курили, пуская клубы дыма через

свои казавшиеся не очень чистыми бороны. Они с молчаливым подозрением смотрели на красные мундиры английских солдат, на оживленно переговаривавшихся французов. Моментальный интерес вызывали осторожно проходившие мимо европейские женщины, независимо от того, была ли это английская леди, жена солдата или хорошенькая искательница приключений.

После стольких лет вражды англичане и французы относились друг к другу лучше, чем можно было ожидать. Как вспоминал один из ветеранов 7-го полка, «мы очень сдружались с французами, особенно с зуавами, которые оказались очень веселыми парнями». Языковой барьер никак не служил помехой дружеской беседе. То здесь, то там можно было наблюдать, как группа французов, с неимоверной скоростью выстреливая слова, пытается что-то объяснить английским солдатам; при этом те, в свою очередь, отвечают не менее оживленно. Не важно, что ни одна из сторон не понимает, что говорит другая.

Случались, конечно, и трения. Так, первые партии прибывающих английских войск очень злились на своих французских союзников за то, что те, прибыв в Галлиполи первыми, заняли лучшую часть города с ее конторами, магазинами и ресторанами. В свою очередь, французов раздражала наивная манера англичан постоянно переплачивать местному населению при покупках. Каждый был согласен с тем, что «турки грязный, ленивый и неблагодарный народ», а «гре-

ки еще хуже», поскольку являются «самыми большими обманщиками». И все же из-за англичан цены на рынках сразу подскочили, поскольку те платили слишком щедро, подчас не торгуясь отдавали за еду, напитки, лошадей и т. д. столько, сколько с них запрашивали местные жители. Вино, которое еще несколько дней назад стоило 4 или 5 пенсов за бутылку, теперь стоило 2 шиллинга, голландские сыры продавались за 8 шиллингов, ветчина стоила 1 фунт стерлингов, дрянное местное пиво выдавалось за английский эль, и за него запрашивали полтора шиллинга за бутылку. Вскоре французы потеряли терпение и стали устанавливать твердые тарифы на отдельные виды товаров. Кроме того, они стали своего рода посредниками в покупках англичан: например, если английский офицер покупал лошадь, француз вынуждал торговца-грека продать ее по гораздо более низкой цене, чем тот сначала предлагал.

Предметом зависти англичан был гораздо более высокий уровень оснащения французской армии. Вид французских домиков на колесах, санитарных повозок, ящиков с лекарствами и медицинским оборудованием, палаток и досок для строительства барачных, аккуратными рядами сложенных в порту, заставлял английских офицеров безнадежно мечтать о том, чтобы французы пришли и завоевали их страну. Ведь британской армии приходилось довольствоваться малым, и многим даже в голову не пришло бы, как много существует полезных для войны вещей. Единственное, в чем англичане

не уступали французам, – великолепные винтовки Минье, которыми была вооружена почти вся английская армия, за исключением 4-й дивизии³.

Отношение англичан к войне напоминало энтузиазм неопытных новичков. Было похоже, что многие рассматривали войну на Востоке как некую разновидность кровавого спорта. Как отмечал командир 1-й французской дивизии, английская армия как будто вернулась на сто лет назад. Английские офицеры были перегружены багажом⁴. Они везли с собой костюмы, слуг, некоторые приезжали с женами. Многие солдаты тоже везли с собой женщин: статистика говорит, что в среднем на 100 мужчин приходилось 6 женщин. Предполагалось, что эти женщины в дальнейшем станут работать в солдатских столовых и госпиталях, однако ни по подготовке, ни по дисциплине они не могли сравниться с наемными работницами, выполнявшими эти обязанности во французской армии.

Огромную пропасть в отношении французов и англичан к своей армии проиллюстрировал случай с прибытием в на-

³ В 1847 году капитан Минье изобрел тупоконечную свинцовую пулю, а еще через два года собственную винтовку. По рекомендации лорда Раглана британское правительство открыло в г. Энфилд завод, на котором производились модифицированные винтовки Минье. В Европе работало несколько заводов по производству этих винтовок. Один из таких заводов поставлял винтовки и в русскую армию. Русские, однако, не закупали винтовки в значительных количествах; большинство полков русской армии было вооружено гладкоствольными ружьями.

⁴ По воспоминанию Хью Эннсли, офицера шотландской гвардии, багаж герцога Кембриджского полностью занимал 17 повозок.

чале мая в Галлиполи командира 3-й французской дивизии. Это был кузен императора Наполеона III по прозвищу Плон-Плон. Высокий, тучный и шумный, с прической, копировавшей прическу великого Бонапарта, постоянно бряцающий саблей, в наряде, обильно украшенном золотыми галунами и перьями, он походил скорее на актера, чем на солдата. И все же, когда он впервые ступил на причал, его приветствовал почетный караул и салют пушек пяти французских боевых кораблей, стоявших на рейде.

Лорд Раглан прибыл в город несколькими днями раньше. Как обычно, он был одет в длинный синий сюртук. Раглана никто не встречал. Его сопровождала госпожа Эсткорт, супруга генерал-адъютанта, а также четыре помощника, все его племянники. Генерал напоминал туриста, сошедшего на восточный берег в окружении нескольких молодых друзей.

Еще через неделю прибыл герцог Кембриджский, невозмутимый джентльмен в твидовом пиджаке.

II

Вечером того же дня, когда прибыл в Галлиполи, лорд Раглан отправился морем через Босфор в Константинополь (Стамбул).

Как заметил один из его офицеров, вид города с моря «поражал изысканной красотой». Поросшие кипарисами склоны, минареты, куполообразные крыши мечетей, поблескивающие в лучах солнца, сад дворца султана, окруженный морем цветов и экзотических растений, спускающихся к самой кромке воды и, как казалось, поднимающихся прямо в голубое небо. Аисты, молчаливо и грациозно парящие в небе среди мачт кораблей. Дельфины, с шумным плеском вынырывающие из воды; хрупкие суденышки, украшенные причудливой резьбой, беспорядочно, но грациозно передвигавшиеся в разные стороны. Глядя на эти суда сверху вниз, офицеры с удовольствием обнаружили, что лежавшие на матрасах на палубах женщины не столь тщательно скрывали от чужих глаз свои прелести, как это было в Галлиполи. Турчанки постарше курили; те, что помоложе, ели сладости или потягивали лимонад и, улыбаясь и мигая крашенными хной веками, смотрелись в маленькие зеркальца или поглаживали белые шелковые одежды тонкими пальчиками с ногтями, покрытыми красным лаком.

Однако сам город, как с сожалением написал в своих

воспоминаниях Хью Эннсли, офицер шотландской гвардии, всех разочаровал. По узким грязным улицам невозможно было ходить, не уставившись глазами в дорогу. Иначе каждый рисковал упасть, споткнувшись об один из разбросанных повсюду камней.

Носильщики с огромными тюками на головах, раскидывая во все стороны острые осколки камней, прижимали людей к стенам. Если вы не наступили на мертвую собаку, то обязательно наступите на мертвую крысу. «Вряд ли вы где-нибудь еще встречались с подобным зловонием», – заметил капитан Клифффорд. «Редко встретишь симпатичную турчанку», – жаловался другой офицер. Турецкие женщины оставляли открытыми для мужских взглядов только лодыжки, которые не радовали изяществом форм. Солдаты вскоре обнаружили в узких улочках грязными подворотнями множество сомнительных кофеен и борделей, где вино и женщины стоили очень дешево и где молодые армянки «проделывали невероятные вещи». За шесть пенсов там можно было напиться, а за шиллинг – приобрести сифилис. Врач 55-го полка докладывал, что венерические заболевания стали его основной проблемой. А ведь эта часть считалась одной из наиболее дисциплинированных в армии.

По словам одного из адъютантов лорда Раглана, другим бичом английских войск стало пьянство, приобретшее ужасающие масштабы. Согласно докладу полковника Стерлинга, в одну из ночей было задержано около 2400 пьяных ан-

глийских солдат. «Армия спивается, — горько заметил он, — нам не к чему придраться в поведении наших людей, когда они трезвы. Когда же они напиваются, устраивают избиения турок. Нам пришлось высечь одного из солдат для примера остальным».

Лорд Раглан решил, что чем скорее он поведет армию на север, тем будет лучше. Штаб английской армии располагался на улице Скутари в небольшом деревянном домике, выкрашенном в красный цвет. В маленьком дворике было тесно, там располагались лошади многочисленных штабистов и посетителей. Здесь же гнездились воробьи и ласточки. Командующий дни и ночи проводил за работой в кабинете, через все одиннадцать окон которого было видно море, кучи ила и мусора на берегу. Там среди мертвых птиц и гниющих отбросов бродили стаи собак. Недалеко от здания находился лесистый холм, на котором располагалось кладбище с белеющими посреди зелени надгробиями. Мимо фонтана медленно проходили водоносы, а также группы турок, армян и греков, попыхивающих трубками и о чем-то монотонно беседующих между собой.

За зданием располагался лагерь охраны, затем — турецкие бараки, в которых впоследствии находился знаменитый военный госпиталь. Еще далее, за бараками, был разбит лагерь легкой дивизии. По всей территории, занятой англичанами, бродили, позвякивая кожаными кошельками, еврей-менялы. Они выкрикивали на ломаном английском: «Джон-

ни, менять деньги! Джонни, менять деньги!» Здесь же были и греки из расположенных неподалеку грязных дощатых хижин. Торговцы лошадьми пытались выгодно сбыть своих костлявых кляч, которых, для того чтобы придать им свежий упитанный вид, надували с помощью соломинки. Мальчишки торговали сладостями, лимонадом, шербетом и сигарами. Некоторые пытались торговать своими сестрами. Вся эта снующая взад и вперед, галдящая, обменивающаяся подзатыльниками и пинками толпа пыталась заработать.

Так прошел май. Пришла жара. Лорд Раглан, по словам весельчака-грубияна капитана Найджела Кингскота, «слегка осунулся». Он работал за десятерых, и климат очень изматывал его. Своей любимой старшей дочери Шарлотте, или Мопсику, как он ее называл, он писал:

«В моем доме невыносимо жарко. Здание построено из дерева, и в каждой комнате бесчисленное количество окон. К тому же то ли ветром, то ли течением сюда несет грязь и вонь со всего Константинополя. Запах стоит настолько ужасный, что последние десять дней я предпочитаю не появляться в своем кабинете и работать в спальне».

Необычная для этого человека депрессия была вызвана не столько жарой и расстройством желудка, от которых страдала почти вся армия, сколько озабоченностью за судьбу солдат и недовольством французским командованием.

III

Первые разногласия с французами возникли по поводу того, как будет использоваться в войне турецкая армия.

Командующий французской армией маршал Сент-Арно решил, что турецкие войска должны подчиняться ему, как старшему по званию среди союзников. Его одолевали амбиции. Джордж Браун отозвался о французском командующем как о «ветреном малом, полагаться на слово которого нельзя ни в коем случае». Еще молодым человеком, вступив в Иностранный легион в Алжире, Сент-Арно решил: «Я должен прославиться или погибнуть». Всю свою последующую жизнь он провел в погоне за славой. Смелый, веселый и находчивый, но непостоянный и необязательный, этот человек в 1851 году помог императору утвердиться на французском престоле. За это ему был пожалован жезл маршала Франции, а теперь было поручено командование французской экспедиционной армией. Однако император решил не оставлять вновь назначенного командующего без присмотра. Постоянным советником маршала Сент-Арно и его спутником стал старший адъютант и доверенное лицо императора полковник Трошу. В английской армии ходили упорные слухи о том, что он и является настоящим командующим у французов.

Тем не менее с помощью лорда Стратфорда Раглану удалось убедить маршала Сент-Арно соблюдать трехсторон-

нее соглашение о том, что каждая из союзных армий будет иметь собственное командование. Изменив тактику, Сент-Арно потребовал, чтобы при совместных действиях французской и английской армии последней инстанцией являлось французское командование. Лорд Раглан вежливо заметил, что не вправе следовать чьим-либо приказам, кроме приказов британского правительства.

В один из вечеров на следующей неделе полковник Трошу неожиданно явился в дом Раглана и потребовал срочной встречи. За несколько дней до этого Сент-Арно, Раглан и турецкий командующий Омер-паша пришли к соглашению, что союзные войска должны пересечь Черное море и высадиться в окрестностях болгарского города Варны, неподалеку от которого русские войска осадили город-крепость Силистрию. Теперь Трошу объявлял, что французы не готовы к немедленному выступлению, и требовал от англичан приостановить погрузку войск на десантные суда и их отправку в Варну. К этому времени легкая дивизия англичан уже отбыла к пункту погрузки.

Лорд Раглан спокойно и вежливо, но твердо высказал свое несогласие. Он упомянул об обещании, данном султану, которое не считал себя вправе нарушить. Полковник Трошу уехал ни с чем после двух часов бесполезного спора.

На следующий день английского генерала посетил сам маршал Сент-Арно. Он заявил, что разработал для французской армии совершенно новый план. Теперь он намерен

отправить в Варну всего одну дивизию. Остальные войска должны занять оборонительные позиции к югу от города Бургаса и быть готовыми в любое время немедленно выступить на северо-восток Балканского полуострова. Французский командующий предложил Раглану согласиться с новым планом. На самом деле французские войска в это время уже находились на марше. И вновь Раглан вежливо, но твердо и аргументированно отклонил предложение союзников. Вслед за этим Сент-Арно повел себя несколько странно. Он попросил лист бумаги и изложил причины изменения плана, который собственноручно утвердил всего несколько дней назад.

Как имел возможность убедиться Сент-Арно, спорить с таким человеком, как Раглан, было очень сложно. Генерал-квартирмейстер британской армии вспоминал, что любой человек, общаясь с ним, попадал под его влияние. И в этом не было ничего общего с манерой подавлять собеседника в споре или с особым даром убеждения, которым в совершенстве владеют, например, адвокаты. Причиной была скорее спокойная уверенность в собственной правоте, а также мгновенно возникающее у собеседника нежелание вызвать огорчение или недовольство этого человека. Самый младший из его адъютантов лейтенант Сомерсет Калторп записал в своем дневнике, что «лорд Раглан, несомненно, обладает огромным влиянием на маршала Сент-Арно и Омер-пашу».

Итак, французский маршал без слов вручил бумагу Раглану и покинул его кабинет. В этом кратком документе, в част-

ности, говорилось, как «важно не вступать в бои с русскими, за исключением случаев, когда имеются все шансы на успех и достижение решительных результатов. Если каждый из союзников будет иметь в районе Варны всего по одной дивизии, никому и в голову не придет упрекать их в нерешительности и нежелании участвовать в боях за Силистрию. Если же союзных войск будет больше, им придется вести бои с русскими, не успев предварительно подготовиться к ведению тяжелых боев».

Конечно, француз был прав в том, что союзники не имели хорошо укрепленной и оборудованной базы для ведения войны. Но лорд Раглан был уверен, и теперь всем прекрасно известно, что он был прав, русские тоже не были готовы вести войну в Болгарии. Их положение сильно осложнилось после того, как австрийские войска под угрозой союзного флота бежали из района Черного моря. Теперь русские дивизии в районе Силистрии остались один на один с сильной турецкой армией и не смогли бы выдержать решительного удара. Кроме того, высадка английских и французских войск в Болгарии имела большое политическое значение и давала союзникам огромное психологическое преимущество, чего нельзя было сказать о предлагаемом французами варианте с медленным продвижением в глубь Балкан. И наконец, была еще одна причина, которая в понимании Раглана перевешивала все остальные: он дал слово турецкому султану.

На следующее после визита маршала Сент-Арно утро пол-

ковник Трошу прибыл в английский штаб, чтобы узнать о решении англичан. Непокколебимый в своей уверенности, лорд Раглан отклонил план французов. Еще через три дня отвечавшего за связь с армией союзников генерала Роуза пригласили в штаб французской армии. Там его поставили в известность о том, что французы готовы идти в Варну.

Найджел Кингскот записал в своих заметках, что у него сразу возникло ощущение каких-то премен.

24 июня он присутствовал на «званом обеде» в палатке герцога Кембриджского. Повар герцога, француз по национальности, как обычно был на высоте. Закуски были так же хороши, как если бы их приготовили в королевском дворце. От турок не было никаких вестей, и ничто не нарушало спокойного веселья приглашенных. На следующий день Раглан пригласил герцога к себе. Его повар-немец, конечно, не блистал талантами своего коллеги. Неожиданно вошел офицер, принесший срочные новости из Силистрии. Гости нетерпеливо смотрели на него. Однако новости оказались хорошими.

Осада была прорвана. Русские отступали вдоль Дуная. Через несколько дней турки, переправившись через Дунай, вплотную приблизились к русским войскам. Русские атаковали турок в районе Георгиева, но были разбиты. К 11 июля князь Горчаков спешно отступил к Бухаресту. Русские оставили Молдавию и Валахию. Таким образом, Турецкая империя была спасена и официальные цели войны достигну-

ты. «Русские сделали из нас дураков, – писал Найджел Кингскот, – они заманили нас сюда, а сами удрали».

Однако ему не следовало беспокоиться по поводу продолжения войны. Всем было понятно, что Англия и Франция воевали против России, а не отстаивали независимость Турции. В Лондоне и в несколько меньшей степени в Париже царил милитаристский энтузиазм. Никто не хотел окончания войны. Тех, кто пытался говорить о необходимости завершения боевых действий, освистывали. За миролюбивые высказывания лорд Эбердин удостоился карикатуры в журнале «Панч»: там изобразили, как он чистит сапоги русскому царю. Газета «Таймс» писала: «Великие политические цели войны не будут достигнуты до тех пор, пока существует Севастополь и русский флот». Военная экспедиция в Севастополь называлась «основным условием достижения вечного мира». Член палаты лордов Линдхерст во всеуслышание и при всеобщей поддержке заявил: «Мы должны пойти на заключение мира только в самом крайнем случае» – и добавил: «Было бы самым величайшим несчастьем для всей человеческой расы, если бы этой варварской нации, врагу любого прогресса... удалось закрепиться в самом сердце Европы». В полном согласии с этими высказываниями по улицам маршировали толпы людей со знаменами, выкрикивая патриотические лозунги и горлая воинственные песни. Любой выступавший против войны переставал считаться патриотом. Чарльз Кингсли объявил, что «война немедленно

сметет грязное неверие нашего лживого прошлого и женоподобное легкомыслие настоящего, парализующее как мысли, так и дела». В беседе с королем Бельгии королева заметила, что «война стала популярнее веры». Лорд Гладстон был озабочен этим невиданным всплеском эмоций толпы. Он ясно дал понять, что поддержит войну только в том случае, если возникнет угроза безопасности Европы. Однако он занимал пост министра казначейства, а не иностранных дел. Дизраэли настаивал: «Мы собираемся воевать с царем для того, чтобы впредь он не брал на себя защиту христианских ценностей на территории Турции». Однако этот тип говорил и не такие вещи.

Жарким летним вечером 28 июня в Пемброк-Лодж близ Ричмонда герцог Ньюкаслский, бывший министр по делам колоний, занимавший теперь пост военного министра, зачитал послание лорду Раглану, в котором наделял того соответствующими полномочиями для проведения операции по высадке в Крыму. Перед этим было зачитано множество самых пространных и нудных документов, поэтому чтение последнего сообщения не вызвало энтузиазма у членов кабинета. С копией частного письма Раглану, которое прилагалось к посланию, они успели ознакомиться раньше. В зале было душно, голос военного министра звучал монотонно. К его понятному раздражению, большинство слушателей успело заснуть прежде, чем он закончил чтение. Грохот резко отодвигаемого стула разбудил их, но ненадолго. Непреодолимая дре-

ма вновь заставила их закрыть глаза. Позже, в другом зале, они признали, что содержание документа, с которым они так «внимательно» ознакомились, полностью их удовлетворяет.

Глава 4

ВАРНА

Кажется, никого особенно не волнует, едем мы в Севастополь или в Южную Америку или останемся на месте и не поедем вообще никуда.

Майор Клемент Уокер-Хенедж, 8-й гусарский полк

I

Войска отправились в Варну. Эта часть болгарского побережья, по словам Омер-паши, славилась здоровым климатом.

Варна была, вне всякого сомнения, великолепна. Маленький городок, представлявший собой беспорядочное нагромождение жилых домов, минаретов и пыльных площадей, был окружен белой стеной, оцетинившейся фортами в сторону песчаной бухты. Союзники расположились лагерем на холмистой возвышенности за городом. Местность была абсолютно не тронута деятельностью человека. Цветы и фрукты росли прямо на диких лугах и лесистых склонах холмов. Одному из артиллерийских лейтенантов она напоминала его родной Гламорган. «Здесь выращивают кукурузу, виноград, дыни и огурцы, которые люди без всяких опасений за свое

здоровье едят десятками прямо с грядки, а также овес и ячмень. Фактически, при должном трудолюбии здесь можно выращивать все, что угодно». Можно было легко найти дикую землянику, вишню и даже картофель. Повсюду в безоблачном небе летали птицы: соловьи и орлы, дрозды и сойки, голуби, аисты и цапли.

Болгары оказались симпатичным и дружелюбным народом. Только один из них (хотя, возможно, это был грек) настолько ненавидел союзников своих турецких господ, что попытался застрелить офицера, в одиночку возвращавшегося верхом после морского купания. Злоумышленник был выдан турецкому суду, который принял решение отрезать ему уши и нос и назначил 200 палочных ударов по пяткам.

Однако этот случай был скорее неприятным исключением. Большая часть населения с удовольствием предоставляла в распоряжение союзников, испытывавших проблемы с транспортом, своих быков и волов вместе с телегами. За это платили по 3 шиллинга 8 пенсов в день. Возницы в высоких бараньих шапках меланхолично жевали бутерброды с ржаным хлебом, маслом, рисом и чесноком, терпеливо ожидая распоряжений и поглядывая на солдатских жен, стиравших одежду своих мужей, с такой опаской, будто видели нечистую силу. На самом деле в лагере англичан женщин было немного, поскольку лорд Раглан не приветствовал их принятие на военную службу и одновременно советовал офицерам не брать с собой жен и невест. Сэр Джордж Браун прика-

зал немедленно отправить обратно прибывший в Галлиполи с Мальты пароход, на котором находились 97 англичанок. И все же в армии было гораздо больше женщин, чем хотелось бы Раглану. Солдаты настаивали на своем праве везти с собой жен, а офицеры смотрели сквозь пальцы на случаи провоза их «контрабандой». Удивленные таким числом женщин в британской армии, турки вежливо интересовались, правда ли, что каждый английский генерал возит с собой собственный гарем. Не меньшее удивление союзников вызывали шотландцы, которые носили традиционные национальные юбки. Сопровождавшие французскую армию маркитантки не вызывали такого ажиотажа. Во-первых, их было гораздо меньше, а во-вторых, своими повадками и внешностью они напоминали скорее мужчин, чем женщин. Они носили сапоги со шпорами, а их платье украшали эмблемы соответствующих полков. Как отозвался об этих женщинах капитан Генри Невилль, «они настоящие уродины, тем не менее очень нравятся нашим солдатам».

Между французами и англичанами, а также между командующими трех союзных армий сложились самые дружеские отношения. Маршал Сент-Арно любил проезжать верхом через лагерь англичан под громогласные приветствия солдат, на которые весело отвечал: «Да здравствует Англия». Не менее популярен был и Омер-паша, бледный, вечно озабоченный генерал, говоривший с жутким акцентом на смеси

французского, немецкого и итальянского языков⁵.

Как-то раз во время смотра британских войск Омер-паша заявил Раглану: «Всемирно известно, что русский император сумасшедший. И все же я думаю, что не настолько сумасшедший, чтобы попытаться выступить против таких солдат». Ему настолько понравились англичане, что он в шутку заявил Сомерсету Калторпу, что после войны обязательно приедет в Англию и женится на англичанке. Тот в ответ так же в шутку выразил озабоченность тем, что же в таком случае будет с нынешней супругой генерала⁶.

Несмотря на признание турецкого командующего в том, что ему очень понравились английские солдаты, Раглан не мог вернуть ему комплимент. Он предпочел бы не иметь никаких дел с башибузуками, этой «шайкой головорезов», даже при том, что герцог Ньюкаслский приказал полковнику Битсону, в свое время занимавшемуся обучением индий-

⁵ «Он прекрасный парень, – говорил Найджел Кингскот сыну лорда Раглана Ричарду, – в отличие от всех прочих турок ненавидит показуху, обладает дьявольской энергией... Очень спортивен, отлично ездит верхом и вообще обожает лошадей. Носит мундир бледно-серого цвета и высокие сапоги».

⁶ Атмосфера была гораздо более непринужденной, чем во время предыдущего смотра британских войск. В тот раз герцог Кембриджский попросил генерала Канробера поприсутствовать на смотре бригады охраны 18 июня. Никому тогда и в голову не пришло, что этот день выпал на годовщину битвы при Ватерлоо. Генерал Канробер салютовал знаменам английских полков с именами британских генералов-победителей в день, который считался «несчастнейшим в истории Франции». Хотя ничего и не было сказано, Канробер почувствовал, что герцог понял свою ошибку. В дальнейшем при посещении французами смотров англичан знамена британских полков оставались зачехленными.

ской кавалерии, подготовить несколько турецких эскадронов для взаимодействия с британскими войсками. Турки вызвали в нем отвращение своей неоправданной жестокостью к болгарскому населению, напоминая ему испанских партизан, так же жестоко издевавшихся над французскими пленными во времена его молодости. Раглан никогда и не помышлял о совместных действиях с такими союзниками. Наверное, такое предубеждение было простительным. И Омер-паша, благодарный Раглану за дружбу, никогда не просил его о том, чтобы использовать турецких солдат бок о бок с англичанами.

Итак, в те несколько недель раннего лета ничто не омрачало обстановки уважения и взаимопонимания между союзниками. Для английских солдат это были счастливейшие времена. Рацион солонины и галет был вполне достаточным. Некоторые офицеры жаловались на кислый вкус ржаного хлеба, в котором к тому же водилось изрядное количество муравьев. Другие в письмах подробно живописали свои многочисленные лишения. Ведь теперь им приходилось есть из оловянных тарелок, пить из одной-единственной кружки, пользоваться седлом вместо стола и даже – есть лук! Но таких было меньшинство. Большинство же англичан считало, что они неплохо питаются. К их услугам по оптовым ценам были пиво, сахар, чай, рис и сушеный картофель. Болгары предлагали кур за 1 шиллинг 2 пенса, индеек – за 2 шиллинга 6 пенсов, молоко – по 1 пенни за кварту, яйца – по 2 пен-

са за дюжину. А местное вино, по откликам офицеров, было очень даже неплохим, особенно если добавить в него немного сахара и гвоздики, которая в изобилии росла в окрестностях лагеря.

Много занимались спортом: купались в море, ловили в окрестных озерах огромных карпов, лещей и щук, в лесах охотились на антилоп и кабанов.

Но в окрестностях водились и другие звери: змеи, тысячи лягушек, насекомые длиной по два дюйма, слизняки и пиявки. И чем ближе был конец жаркого солнечного лета, тем больше английские солдаты ненавидели этих обитателей Болгарии.

Первая дивизия расположилась лагерем в районе озера Алладин, в 8 милях от Варны. Днем местность казалась красивой и абсолютно безвредной. Однако к ночи все менялось. Казалось, все вокруг так и сочится влагой и ядовитыми испарениями. Солдаты страдали от расстройств желудка, хронического насморка и депрессии. Бывали случаи холеры. Лагерь перенесли, но случаев заболеваний не убавилось. Целыми днями с запада дул жаркий ветер, принося с собой облака пыли, грязи и мертвых насекомых. И наконец, 19 июля из французского лагеря пришла весть о разразившейся там эпидемии холеры. Через три дня болезнь перекинулась к англичанам. Лагерь снова перенесли, но холера следовала за солдатами по пятам.

Всеми овладела апатия. Люди бродили вялые, злые и блед-

ные, как призраки. Лорд Раглан, несмотря на то что выглядел бледным и утомленным, продолжал много и упорно работать. Генерал-квартирмейстер лорд де Рос стал похож на «полную развалину». Хирург бригады охраны записал в своем дневнике: «Все выглядели так, будто на них внезапно свалилось по целому десятку лет страданий и лишений». 31 июля он не узнал офицеров своего собственного полка, настолько их лица казались усталыми и истощенными. Мухи, комары и жуки кишмя кишели в лагере. Насекомые заводились в многочисленных кусках мяса, которые люди, слишком измученные, чтобы есть, просто выкидывали. Не соблюдались элементарные правила гигиены. Отхожие места были переполнены, но у солдат не хватало сил отрыть новые. Разлагающиеся трупы лежали прямо на солнце. В огромных бараках развернутого в Варне полевого госпиталя измученные санитары с пугающим спокойствием смотрели на мечущихся в горячке пациентов. Больные страдали от вшей и блох. По грязному полу спокойно перемещались полчища крыс, один вид которых вызывал невольную дрожь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.